ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ.

I 47
158

БУДУЩЕЕ РОССИИ—В РУКАХ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ!

ОКТЯБРЬ 1918 г.

№ 6.

ЦЕНА В МОСКВЕ 2 руб. 50 коп.
ЦЕНА ВНЕ МОСКВЫ 2 руб. 75 коп.

Рязанская ... библиотека

Фот. из сборника А. М. Х.

Ф. ШАЛЯПИН В МОЛОДОСТИ.

Жизнь и Творчество Русской Молодежи.

№ 6. ОКТЯБРЬ 1918 г. № 6.

Главная контора и редакция: *Москва*, 1-я Мещанская, дом № 50, кв. № 12. РЕДАКЦИЯ открыта по вторникам и четвергам от 5 — 7 часов вечера. КОНТОРА открыта по втор. и четв. от 5—7 час. веч.

Южное отделение конторы: *гор. Липецк*, Тамбовской губ., Липовская улица, дом № 6.

Украинское отделение конторы: *гор. Харьков*, Дворянская улица, д. № 7, комната № 5.

ОБ'ЯВЛЕНИЯ: за строку нонпарели 2 руб. 50 коп.

Цели журнала:

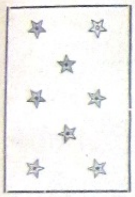
Полное раскрепощение духа молодежи в России, развитие свободного волевого самосознания, как фундамент бесконечных творческих достижений, об'единение молодежи на платформе тесного единения с народом, отражение всех сторон жизни и творчества молодежи и ее участия в строительстве общественной жизни.

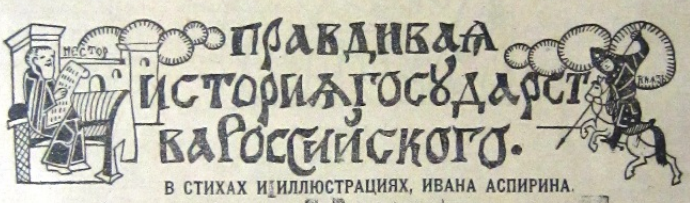
Программа журнала.

1. Общественная жизнь и молодежь. 2. Жизнь молодежи неучащейся и учащейся в высшей и средней школе. 3. Эсперанто. 4. Беллетристика 5. Скульптура. 6. Живопись 7. Зодчество. 8. Театр. 9. Музыка 10. Спорт. 11. Хроника. 12. Библиография и критика 13. Юмор. 14. Смесь и задачи. 15. Почта. 16. Наша портретная галлерея. 17. Об'явления.

Сотрудники журнала:

Вся русская молодежь, желающая принять участие и дать рукописи для напечатания Все лучшее, талантливое и интересное немедленно помещается. Рукописи должны быть написаны по правилам новой орфографии на одной стороне листа крупно и разборчиво. Рукописи менее печатного листа не возвращаются. Рукописи помеченные словом „оплатить"—оплачиваются по соглашению (в том случае, если будут приняты к печати). Присылкой рукописей, рисунков и фотографий Редакция просит торопиться.





В СТИХАХ И ИЛЛЮСТРАЦИЯХ, ИВАНА АСПИРИНА.

(*Продолжение*).

Сей способ быстрый и несложный
Назвался „рекрутский набор"
В стране чудес, где все возможно
Он удержался до сих пор.
И по лесам, и по болотам
С дружиной, захватив пищаль,
Гулял наш князь, харчась охотой,
Стреляя всяческую шваль.
Вернувшись быстро с поля брани,
Нагнав на мерю лютый страх
„Орали" без конца славяне
И наживались на мехах.
И по цене спекулятивной,
Без всяких „этих" твердых цен
В катомку собирали „гривны"
Пускали воск и мед в обмен.
Дабы избавиться расходов
На fleur d'orange и жадных свах,
Старались предки в дни походов
Стащить жену в чужих домах.
И свадьба совершалась проще,
Гораздо проще чем теперь:
Тогда не знали слово „теща"
Какой породы этот „зверь".
Узнав когда сосед в отлучке,
Наш предок крал его жену,
Хватал ее за белы ручки
И клал на плечи как копну.
Затем, чтоб не было скандала,
Лукавый предок мчался прочь
Жена немного горевала,
Но утешалась Евы дочь.
Но иногда случалось хуже
Минута счастья—не дома
И первый муж мужчина дюжий
Второму наставлял рога.
Вот тут уже была потеха:

Умыканье.

Мужья вступали в смертный бой
Катаясь по полу от смеха,
Жена лупила их ногой.
Тогда простых держались правил;
В те дни безмолствовал синод
Коль мужа муж „к отцам" отправил
Сие считалось за развод.
Ни патриархов, ни синода,
Ни постных, ни скоромных дней
Не знали предки в эти годы
Постами пиво—только пей!
Кто как хотел, тот так и верил
Один, „кикимор" только чтил,
Другой „кадил" лесному зверю
А третьему Перун был мил.
Стрибог, Ярило и Купало,
Русалки, Лешай водяной
И всякий верил как попало,
А то на всех плевал иной.
Сии удобны были боги
Бог чтим пока не надоел,
А надоест—его за ноги
И жалок был богов удел...
Но время шло.. Бежали годы,
И день за днем, за годом год
Семейства собирались в роды,
Из родов вырастал народ.
Так постепенно, помаленьку,
Дела славян пошли на лад:
То там построят деревеньку,

То вырос город, то посад.
И вот как был основан Киев—
Отец всех русских городов!
Склони читатель низко выю
Рассказ сей слушать, будь готов.
Один делец довольно ловкий
Не то купец, не то бандит,
За то что, не привез обновки
Зело женою был избит.
Но Кий,—так звался сей детина—
Не промах был и не дурак,
Он знал как добывать алтыны,
Дабы с женой избегнуть драк.
И не откладывая дела
Чрез Днепр устроил перевоз,
И без стыда и без предела
Сбирал алтыны за провоз.
Народ жил у реки—торговый,
Сие учел сей парень хват,
И вскоре вырос домик новый
Не хуже княжеских палат.
Но Кий к несчастью был поэтом
Любил мечтать, кропал стихи,
А может быть вина вся в этом
Что был хохлом наш добрый Кий.
О, в этом мире все возможно,
О друг-читатель не зевай,
И на паром так было сложно
Повасть-ну, как на наш трамвай
И в ожиданьи перевоза
Людей скоплялся миллион,
Пока декабрьские морозы
Не начинали свой трезвон.
Тут быстро строились землянки,
За ними—поспевал барак,
Купец от скуки грыз баранки.
А смерды... Смерды—просто так.
Так был основан город Киев,
Иначе—„Киев перевоз",
И в славный город, город Киев *),
Теперь заходит паровоз.
Зима летит, минует лето
Не умер Кий в своих делах,
И память юного поэта,
Почтим в ямбических стихах.
Хоть быстро сказка говорится,
Дела же медленно ползут,
Фантазия летит как птица,
Но ум смиряет мыслей зуд.
И я смиренный, скромный инок,
Не ряд ничтожных небылиц
Не ряд придуманных картинок,
О жизни настоящих лиц.
Без любования, без злобы
В словах не громких передам,
И ведали потомки чтобы
Итог правивый тем годам.
Когда в борении с природой
Являл свой гений человек,
И начал созидать в те годы
Девятый и железный век.
Устав шататься по равнинам
Наш предок начал оседать,
И по сказаньям старинным
Решил—Торговли—благодать.
Увы! опасности тут всюду:
Засел коварный печенег
Торговому мешая люду
По берегам широких рек.
К тому же и в среде славянской
Усобица, раздор, война,
Базар как будто бусурманский,
А не российская страна
Купцам хотелось твердой власти,
Кричат Меркурия сыны:
„От безначалья все напасти
И князя мы найти должны".

Их поддержало племя Чуди:
Уж подлинно народ чудной,
„Ну что-ж" сказали эти люди,
„Найдем князьев стране родной".
Был быстро созван предпарламент
И предпарламент сей решил,
„Зане российский темперамент"
„Сдержать своих нехватит сил".
„Призвать князей из стран далеких"
„И поручить им стол княжой",
„Богаты русские оброки"
„И есть алтыны за душой".
Послали живо „лучших" мужей
Найти каких-нибуд князей,
Пускай их, были бы похуже.
Но только .. Только поскорей.
Послы пойзали первых встречных
И говорят мол так и так,
И к счастью встретили безпечных

Рюрик.

Трех братьев „племенем варяг".
Послы рекли „земля обильна
У нас. Порядку только нет",
И вот с улыбочкой умильной
Варяги молвили в ответ:
Уж так и быть мы вас уважим
Поправим вами как-нибудь,
Вопрос тотчас же был улажен
И все пошли в обратный путь.
Но кто такие те „варяги",
И кто такое племя „русь",
Дабы не изводить бумаги
Сие решить я не берусь!
И как историки не бились
Чтоб доказать хоть что-нибудь,
Однако малого добились
Бумаги много—толку чуть.
Кто говорит, что „рус"—литовец,
Другой что немец третий шведь,
Испорчено не мало крови,
А все ответа нет как нет.
Сумели выбрать предки князя,
Вопрос открыт и до сих пор,
Преподаватели гимназии
В сем месте потупляют взор
Усвоив светские манеры
Пришли три князя на восток,
Но долговечности примером,
Никто поставить их не мог.
Всех дольше продержался Рюрик,
Но и того прибрал Господь,
Мятели русские и бури
Сгубляя княжескую плоть.
Вот все, что нам о нем известно,
Что Рюрик был наш первый князь,
И власть (заметить здесь уместно),

У нас с сим князем родилась.
За ним владел довольно гладко
Землей российскою Олег,
Не отступив от распорядка
Он за набегом шел в набег.
И попросту смотрел на вещи,
Любил засады и обман
И был за это прозван вещим
Во славу северных славян.
Да! Был он парень непоседа
И думать долго не любил,
И непокорного соседа
Направо и налево бил!
И вот изрек, собравши рати
Врагов из Клева прогнру,
И Пинские минул гати
Тотчас-же двинулся к Днепру.
Потел на Киев быстрым маршем;
Там правили Аскольд и Дир,
Сказав князьям „Я вас постарше",
Устроил им кровавый пир.
А сколько там убитых было
Нам неизвестно до сих пор.
Одна Аскольдова могила
Повыше многих русских гор
Затем он стал славянофилом,
Решил „возьму себе Царьград",
Сия задача мне по силам
А греков дуть,—всегда я рад.
И по пути наполнил реки
Кровавой пеною врага,
„Pardon" тотчас взмолились греки,
Твоя расправа так строга.
Бери какие хочешь дани,
Оставь в покое наш живот,
И уйму золота и тканей
Олег в карман себе кладет.
И в знак победы над врагами
В знак торжества—Олегов щит,
Над Цареградскими вратами
С великой помной был прибит.
Тут хором закричали греки
Что „византий кий стиль стены"
Испорчен ворогом навеки
На горе и позор страны
Увы! Олег был грекам страшен:
Мущина—боек и хитер.
И украшеньем древних башен
Олегов щит служил с тех пор.
Так наслаждался жизнью бранной
И ратным подвигом Олег,
Как будто бы небесной манной
Но все же смерти не избег.
И вот однажды на опушке
Нашли Олегов хладный прах,
Что современник некий Пушкин
Воспел в медлительных стихах.

Иван Аспирин.

(*Продолжение следует*).

Свободный Союз Молодежи

при журнале „Ж. и Т. Р. М."

Секретариат открыт по втори. и четв. от 5—7 ч. вечера, в помещении Редакции. Там же запись в члены.

Секретари театрально-музыкальной и литературной секции принимают по втори. и четв. от 5—7 ч. веч., Лесная, 43, кв. 22.

Секретарь эсперантской секции принимает в помещении Редакции по втор. в. и четв. от 5—7 ч. веч.

*) Но вопрос—чей?

ЭСПЕРАНТО.

Организационная работа юных эсперантистов.

Эсперантское движение, охватывающее весь мир, более чем какое-либо иное, нуждается в организованности. И тем необходимее становится его организованность, чем сильнее растет распространенность языка Эсперанто и чем упорнее делается тенденциозная обструкция косных масс.

Универсальная идея всеобщего международного языка Эсперанто, который об'единил бы все народы, не нарушая никаких национальных традиций, настолько жизненна, логически ясна, практически-необходима и неизбежна, что даже странно говорить о существовании многих несведущих, но воображающих себя авторитетами лиц, тормозящих всеобщее признание Эсперанто; следствием чего является тот факт, что язык Эсперанто употребляется до сих пор лишь исключительно частными лицами, несмотря на свое более чем 30 тилетнее существование.

Но так или иначе с этими „авторитетами" приходится считаться, для чего нужно усилять Эсперантскую пропаганду, и предварительно организовать полнейшее единение эсперантистов всех наций.

Существующая с 1908 г. Универсальная Эсперанто-Ассоциация (V. E. A), центральное бюро которой находится в Швецарии, имеет скорее исключительно-практический характер, нежели пропагандный, и существует наряду с несколькими национальными эсперантскими союзами в Англии, Америке, Германии, Швеции, Бразилии, Японии и других странах, имеющими целью не столько применение, сколько распространение Эсперанто.

В России такой национальной организации пока еще нет и не было, если не считать Российскую Лигу Эсперантов, не оправдывавшую своего назначения и погибшую в 1911 году.

Впрочем, этот пробел уже заполняется, и в настоящее время ведет в общем весьма успешную деятельность Организационный Комитет Всероссийской Эсп. Федерации (О. К. Т. Е. F.), несмотря на чрезвычайно неопределенное положение самой России, и единственным затруднением является невозможность в ближайшее время созвать III Всероссийский Съезд Эсперантистов.

Остаются неорганизованными лишь юные эсперантисты, а между тем именно в их об'единении ощущается наибольшая нужда. Светлая идея эсперантизма всегда пользовалась особой симпатией со стороны юношества, и в среде активных эсперантистов молодежь всегда занимала особое место.

Но запросы юношества так сильно розняются от интересов взрослых, что юные эсперантисты по большей части не шли в общества взрослых и основывали свои собственные кружки. Обыкновенно, такие кружки устраивались при школах на время учебного года самими учащимися и распадались по наступлении летних каникул.

Это вполне естественное, но в то же время чисто случайное обстоятельство, необходимо ввести в систему главным образом по следующей причине.

Имея целью сделать Эсперанто вторым родным языком для каждого образованного человека, введение преподавания этого языка в школах было бы самым верным шагом в этом направлении. Разумеется, что сочувствие самих учащихся является непременным условием; и никто другой, как они сами, должны добиваться этого,—так как, действуя таким образом, они действовали бы в своих собственных интересах.

Единственный путь к этому—это создание возможно большого количества ученических кружков эсперантистов,— и только союз уже существующих кружков может взяться за эту работу.

В Москве такой союз возник лишь в январе 1918 г., но уже сумел довольно прочно закрепиться и в настоящее время готовится к самой интенсивной деятельности.

Являясь в сущности чисто-местной организацией, Московский Союз Юных Эсперантистов не ограничивается своим районом и работает совместно с Юношеским Отделом Организационно Комитета Всерос. Эсп. Федерации над выработкой плана создания Всероссийского Союза Юных Эсперантистов, проектировавшегося еще в 1910 г. по образцу существовавших до войны Братского Общества Юных Эсперантистов, Германского Союза Юн. Эсп. и Французской и Бельгийской Федераций Юн. Эсп. (Juncco № 8. 1910 г.).

Но это только полпути. С восстановлением вышеупомянутых организаций открывается возможность восстановить и Всемирный Юношеский Союз, единственным препятствием чему является война, разрушившая до основания почти всю международную жизнь.

Но лишь только она кончится, все эти возможности не замедлят осуществиться.

И это будет лучшей наградой неутомимой работе эсперантистов и лучшим ответом их противникам.

Н. Некрасов.

КАРТИНКИ РОССИИ.

Подмосковное имение „Ахтырка".

Имение „Ахтырка" находится в 5-ти верстах от станции Хотьково, Северных дорог,—бывшая подмосковная усадьба Кн. Трубецких.

Это те, теперь уже редкие памятники былой культуры и зодчества, и тот уют, когда люди, уходя в природу, искали забвения, покоя и красоты с его романизмом.

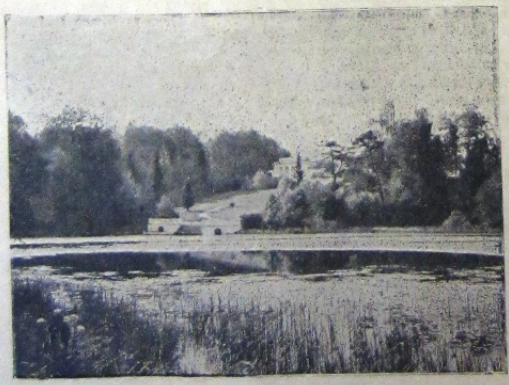
Архитектура строений в то время находилась, главным образом, под непосредственным управлением лучших мастеров московского классицизма, — Джилярди, К. Бакова и др., широкий розмах которых, в царстве красоты доходит до пределов изысканной фантазии.

Создавали то, что часто приводило многих от неожиданных смелых замыслов в восторг.

Их не затемняли, а напротив, развивали настолько, насколько это было возможно в XVIII и в конце XIX веков. В чем ясно мы можем убедиться, посмотрев на сохранившиеся доныне памятники былого величия и красоты.

Барский дом с боковыми фасадами построен в 1810 году, увенчанный в среднюю куполом. Фронтон с главного под'езда украшен шестью колоннами, над которым помещен герб Кн. Трубецких; сохранились также барельефные фризы и др. украшения.

К дому от ворот, с тяжелыми каменными столбами увенчанных наверху шарами, ведет под'ездная липовая аллея, проходя мимо оранже-



„Ахтырка" Московск. губ. дом 6. кн. Трубецких
Фот. из сборника *А. М. Х.*

рея и домашнего огорода с питомниками. Перед домом—фонтан и красиво разбитые по старым рисункам газоны и куртины; здесь же находится классической архитектуры церковь с колокольней.

Прекрасен садовый фасад, украшенный в средней части дома очень интересной террасой с 6-ю колоннами, с возвышенности которой открывается великолепный вид на пристань и старый разросшийся парк. Его разделяет протекающая здесь речка Вори на две равных части; правый, противоположный берег от дома — нагорный, тут дорожки местами с каменными уже обвалившимися ступеньками зигзагируя ведут вверх по ровным тенистым аллеям и перекинутыми березовыми мостиками, рельефно выделяясь на фоне темной зелени старых елей и сосен.

Какая царит здесь тишина!

Все шумное и суетное далеко ушло от этих уголков полузаглохшего парка.

Какую дивную картину представляет этот парк в лунную ночь, когда все завороженно уснуло: воздух, деревья, цветы, и спокойно дремлют тихие воды, отражая фосфорические краски в реке; этот белый дворец, как заколдованный богатырь, стоит на страже оберегая святую тишь волшебной ночи...

На верху, окруженная высокими деревьями, стоит „березовая беседка"; тут очень уютно и тихо. От нее круто спускается, перебегая то вправо, то влево дорожка к зеркально-тихой речке с разбросанными на ней букетами из золотых кувшинок и белых лилий.

Далее, дорожка ведет к пящному паромчику, благодаря которому можно переправиться на другую сторону.

В давнее время на этом месте был перекинут оригинальный мостик, а у пристани стояли обелиски.

Пройдя немного, вы увидите стоящую на небольшом пьедестале белую мраморную вазу с цветами,—место погребения бывшей владелицы

Парк в имени „Ахтырка" Москов. губ.
Фот. из сборника *А. М. Х.*

имения Кн. Трубецкой, в последствии прах ее был из парка перенесен к церкви.

Дальше начинается „аллея любви", ведущая к прекрасно разросшемуся из разнообразных цветов плацу около дома.

У церкви, с восточной стороны, стоит скромный увенчанный урной, мраморный памятник изображающий колонну, на которой находится надпись в виде стихов, посвященных покойной княжне, как строительнице парка, характеризующие здешнюю природу, у которой она нашла отраду и покой у милых Вори берегов...

Дом, за исключением очень несущественных поправок, сохранился до сих пор и представляет собою величие, красоту и ширь былых времен.

28 августа 1918 г.

Александр Хлебодаров

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Ad Juventatem.

Как синь расцвет весенний неба!
Как зелень свежая нежна!
Тебе привет, привет мой, Геба,
Богиня Юности, Весна!
Весенних грёз бесценный слиток
Чеканю в песню майских фей,
Влагая вечных сил избыток
Цветущей юности моей.
О, Юность, светлая скажи мне,
Дай верить мне, что в летний зной,
В осенний дождь и в холод зимний
Ты будешь, вечная со мной.
И нектор веры безконечной
Из чаши дашь испить до дна.
О, Юность—Утро Жизни Вечной!
О, Юность—Вечная Весна!

Н. Некрасов.

Гимн юному искусству.

Привет тебе глас русской молодежи!..
Твой долгожданный праздник наступил!..
Искусства дряхлого в заплатанной одеже
Увы! последний час пробил.
Горит звезда порыва молодого,
На склоне меркнущей забытой старины;
Своим сияньем блеска золотого,
Лаская юные стремленья новизны.
Так шире путь проснувшимся идеям!
Мерцай звезда в своем бездонном доже!
Я крикну всем, всем юным корифеям:
„Да здравствует искусство молодежи"!..

А. Гартель.

ТЫ.

Ты была моим нежным Апрелем.
Ты сиянием счастья пронзила меня,
Весь об'ятый волшебным похмельем,
Как огонь, задражал я, светясь и звеня.
Ты вошла в мою душу, как Солнце
В Океан бирюзовый поющей весны, -
И ты каждое там волоконце
Разбудила, как Ветер—молчание струны.
И запел я, как арфа, как птица,
Как волна, что влюбилась в прибрежный утес.
И узнал я что в Тайнах таится.
И увидел я грезы фиалок и роз.
И услышал я звездные речи.
Вся Вселенная пела, как праздничный храм.
Я, как Лес, под лучами расцветший,
Улыбался, как Небу, любимым чертам.
Золотым, пламенеющим Югом
Засмеялся холодный мой Север родной.
Уж не верил я дремлющим вьюгам,
Чтоб опять зарыдали оне над землей.
. . . . . .
. . . . . .
Ты была Сентябрем моим нежным.
Хрусталем ты воскормила прощальные дни.
Весь прозрачным я был, безмятежным,
Но больным, безнадежно больным, как они!
Поцелуем Разлуки горячим
Ты закатом деревья и Небо зажгла.
Мне Тоскою, как сдавленным плачем,
Всколыхнула ты Душу и тихо... ушла.
Но вздохнула ты вьюгой осенней.
Оголенною веткой ты билась в окно.
Ты шептала: Жизнь—цепь изменений.
Наша Смерть это—жизнь, в цепи
жизни—звено.
Ты мерцала слезами, как астра.
И твой голос я слушал в сырой тишине.
И твой образ бледней алебастра,
Шевелился, как лебедь, и плакал во мне.
. . . . . .
. . . . . .
А теперь... Одиноко сижу я
У окна, заслоненного Ночью седой.
На дворе, заунывно бушуя,
Привидения пляшут в пыли снеговой.
Гневно ставни стучат. Все капризней
Заливается хохотом Смерти Мятель.
Но мне снится дрожание жизни.
Воскресает Былое. И ты, мой Апрель!
Что-то маятник шепчет. Он посох
Безпощадного Времени. Жизнь—позади.
Уж горит Серебро в твоих косах.
Я любил .. А теперь не люблю... Уходи...

Г. Ширмант.

У моря

Давно, уж давно это было.
Но кажется—только вчера.
И сердце еще не забыло
О том что забыть уж пора.
У моря где нежится пена,
Мы долго бродяли вдвоем.
Все море играло Шопэна
И волны плясали кругом.
Как дивно светло на просторе!
Тебе я в восторге сказал.
И сердце шумело, как море,
Как полный шампанским бокал.
Ты чем то ответить хотела,
Но я говорить не давал.
Как ветер, безумно и смело
Я долго тебя целовал.

И нежно, играя Шопэна,
И море и синяя высь,
И солнце и белая пена—
В одном поцелуе слились.
Давно, уж давно это было.
Но кажется—только вчера.
И сердце еще не забыло
О том, что забыть уже пора.

Т. Ширмант.

„Синяя птица".

Посвящается Е. С.

Я—Тиль-Тиль,
А ты—Митиль,—
Оба мы больны без счастья
И грустим мы в дни ненастья,
Грезя солнечными днями,
Спелой рожью, васильками ..
Синю птицу—счастье наше,—
То, что делает жизнь краше,—
Мы искали в одиночку
В яркий полдень, в темну ночку...
Помнишь?—Счастье улыбнулось:
Ты нашла, но обманулась;
И лишь зорька заалела,
Твоя птица почернела,
И опять с тоскою прежней
В путь идешь с душой мятежной..:
Я ж, одетый в багряницу,
В путь пошел за синей птицей
Бодрый, смелый, вдохновленный
И немножечко влюбленный.
Много синих птиц мелькало,
Между рук моих летало...
Я ж стремился за одной,
Что синей других собой.
И устал, и утомлен,
Но попрежнему влюблен.
Вся в лохмотьях багряница,
Но далеко синя птица...
. . . . . .
Я—Тиль-Тиль,
А ты—Митиль..
Лишь блеснет вдали зарница,
Мы пойдем за синей птицей
И ее с тобой вдвоем
Уж наверное найдем.

Евг. Энский.

Наша жизнь—загадка странная
С неизведанными тайнами,
Вечно горькая, туманная,
С неразгаданными каймами.
Жизнь людей—есть путь страдания,
Чаша, горести несущая
Среди лжи и ликования,
В вечность род людской влекущая.
Жизнь рождает в мире с муками
Для насмешки и мучения;
Учит горькими науками
Флор и фаун поколения.
Жизнь—проблема непонятная
Для ученых наблюдателей;
Жизнь—система необ'ятная
Для живущих созерцателей.
Жизнь—игрушка злой Иронии,
Безпощадно уязвляющей,—
Проявленье гегемонии
Над планетой изнывающей.
Жизнь—арена состязания
Зла, Добра и их приспешников;
Цели жизни—создавание
Чистых агнцев, черных грешников.

Жизнь Вселенной—нечто стройное,
Это—царство автономное,
Изучения достойное,
Как великое, огромное.
Жизнь—дорожка к омертвению
Всех планету заселяющих,—
Двери к вечному забвению
Бывших, будущих, витающих.
Жизнь—в программе—Эволюция
С непреложными законами,
Но на деле—Революция
С триллионными уронами.
Жизнь—частичка квадрильонная
Непонятной мысли вечности,
Рюмка влаги бловонная,
Всем несущая конечности.
Жизнь—художник, созидающий
Чудеса в земном строении,—
Факел, в муках замирающий,
Что бы вспыхнуть в воскресении.
Жизнь—загадка интересная;
Жизнь—поддержка Мироздания,
Взорам смертных неизвестная;
Жизнь—башня созидания.
Жизнь—питает всю Вселенную,
Всюду сея возрождение,
Попирая гидру тленную—
Смерть—живого разрушения.
Жизнь—умом непостижимая,
Точно бездна глубочайшая,
Никогда неизмеримая...
Жизнь, ты—тайна величайшая!

Антип Нинаморов.

Любань, Новг. губ.

ВОСКРЕСШЕЕ.

Рассказ Веры Шуевой-Черных.

Кончился ужин. Несколько минут длился шум отодвигаемых стульев. Я встала из-за стола и подошла к перилам террасы. Веселые, нарядные пансионеры небольшими группами стали спускаться по ступеням террасы и тут же расбрелись по тенистому, утопающему в цветах, саду.

— Мама, я поздно вернусь; ты не жди меня...

Я вздрогнула... Ах, этот голос! Близкий близкий, родной. Бархатистый контральто, ты последнее время волнуешь меня...Я забываю, чей это голос, мне хочется, обернувшись, увидеть, горящий лихорадочным огнем взгляд черных, глубоких, как бездна, глаз, гармонирующих с красивым смуглым лицом, протянуть к нему свои руки, утонуть в его ласках и дать ему много-много своих..

— Мама! Где ты летаешь?

Оборачиваюсь и, как провинившаяся в чем-то девочка, вспыхиваю.

— Виктор...

— Я спешу, мама.

Легкий поцелуй в лоб, затем его привычная ласка, дружеское пожатие руки—и все... Весело улыбнулся, махнул шляпой, спустился в сад; там на мгновенье остановился, окинул взглядом публику и быстро пошел за стройной девушкой в белом. Догнал ее, взял под руку, наклонился и поцеловал нежную щечку. Еще минута,—они скрылись за оградой сада.

Как во сне, ничего не соображая, я пришла в свою комнату и опустилась в глубокое кресло...

. . . . . .

Уже солнце спряталось за высокие горы. Солнечные зайчики убежали со стен моей комнаты. Легкий ветерок приносит мне через открытое окно звуки бушующих волн и итальянской серенады, а я все еще не могу освободиться от нахлынувших воспоминаний...

Передо мною встает далекое прошлое... Такое же жаркое лето... Синее море... Итальянская речь... Порывистое дыхание.. Красивое, смуглое лицо...

Мы встретились здесь, в этом красивом уголке Италии двадцать два года тому назад и, ни о чем не спрашивая, без клятв и загадок на будущее, полюбили друг друга. То лето и то чувство были единственными в нашей жизни. Мы знали, что придет осень, мы расстанемся и больше никогда не увидим друг друга и даже решили не переписываться, чтобы все „наше" навсегда осталось въ тайникахъ нашихъ душъ. Мы никогда не забудем о прошлом, о

будущем мы не думали, а настоящее ушло... Его звала к себе семья, и он не хотел нарушать ее покоя. Он больше ничего не знает обо мне со дня нашей разлуки, а я всю свою жизнь отдала нашему сыну...

Разве свободная любовь так порочна? Разве не связанные церковными узами чувства так греховны, что Ты, Великий, так жестоко караешь меня, повторяя в лице моего сына давно забытые черты? в его голосе волнующий тембр, в его ласках—те ласки?. Заставляешь меня переноситься далеко за двадцать два года назад и переживать то же сильное, захватывающее, до потери сознанья, чувство и.. не получать на все это ответа, мучиться тем, что..

Беру со стола портрет сына и долго, не отрывая глаз, смотрю на тонкий профиль гордого лица и не знаю, кто это: Виктор или.. он? Все равно! Оба они слилися в одно. Кого я больше люблю? Не знаю! Любовь настоящая к сыну и прошлая к его отцу соединилась в одно общее, неделимое...

Прошло много лет.. Я состарилась в моих черных волосах много серебряных прядей, я скоро умру, обо мне забудут, я больше ничего не дам миру, а он? Он еще долго-долго будет жить в сыне, он еще много даст жизни и много возьмет от нее...

Зачем, спустя двадцать два года, я приехала снова сюда? Не для того, чтобы отдать себя воспоминаниям,—нет!.. Тот... давно ушел из моей памяти. Остался у меня только мой маленький Виктор... Я привезла его сюда к знаменитому художнику завершить его учение в художественной академии, показать ему красивые уголки Италии; к тому же эта красивая страна всегда тянула к себе Виктора,—ведь в нем течет итальянская кровь...

Почему там, на далеком севере, я не замечала поразительного сходства, а здесь я не могу заставить себя увидеть в Викторе только сына? Где же чувства матери? Неужели же оно так жалко и ничтожно, что стушевалось перед всколыхнувшимися воспоминаниями прошлого...

Где Ты, Великий? Сжалься! Ведь Ты можешь! Можешь!

А девушка в белом? Неужели Виктор переживает то же, что переживал и его отец здесь же двадцать два года тому назад?.. Нет! Это слишком жестоко!..

И я снова вопросительно смотрю на немую фотографию... Кто это? Виктор, или?...

. . . . . .

— Мама! Почему ты не ложишься спать? Вѣдь уже поздно. Я увидал твое окно открытым и потому зашел.

Опять этот голос!. Чей же? Его, его, конечно! Ах, нет... Виктор!

— Посиди со мною, мальчик!

Виктор опустился у моих ног на низенькую скамеечку и положил свою голову на мои колени. Я боюсь дотронуться до его пышных волос,—знаю, что они обожгут мои руки.

— Мамочка! Знаешь, я... поцеловал сегодня белую девушку... полюби ее!..

Я не слышу его слов... Глажу его волосы... Сердце бьется учащеннее обычного.

— Мы возьмем ее с собою в Москву и навсегда оставим у себя...

Понемногу прихожу в себя, понимаю смысл этих жутких слов.. Во мне что-то вспыхнуло, заклокотало...

— А? Что? Что говоришь ты Виктор, о ком?

— О белой девушке, мама о Ларе.. Я так люблю ее!..

Белая девушка.. Мои догадки оправдались... Да, мой мальчик! Я слишком хорошо знаю чарующую силу синего моря, захватывающую мелодию итальянской серенады и пылкость молодости, чтобы не понять тебя, но я не могу.. понимаешь... не могу...

Словак.

Рис. *А. В.*

— Витя, какие у тебя пышные волосы! Как горят твои черные глаза! Твое дыхание пропитано зноем... Витя! Слышишь? Волны о чем-то рассказывают.!. Слышишь зов серенады?.. Девушку в белом забудь! Я увезу тебя из этой страны мучительных снов, страны сильных переживаний! Мы будем с тобою жить в тишине, тебе нужно учиться; ведь перед тобою открыта великая будущность! И только к ней—этой будущности своей—должен ты направить свои стопы! Ну, будь же сильным, Виктор!..

Вздрагивают плечи моего мальчика...

— Я не могу уехать, мама!..

Я не сразу отвечаю на эти слова. В моей душе происходит реакция, но она безсильна... Как же быть? Что делать? Ведь не могу же я насильно увезти его!.. Хватит ли у меня сил самой уехать отсюда, где так долго живет моя молодость?..

— Останемся, Виктор.. Но не ради белой девушки, а ради твоего искусства, ради той сказки, которую я расскажу тебе... Слушай,—как, помнишь, в далеком детстве?..

И я разсказала ему свою сказку моей любви, сказку появления на свет моего сына... Он слушал, не отрывая от моего лица своих широко раскрытых прекрасных глаз, и когда сказка приближалась к концу, он не мог сдержать своего восхищения, а я... я чувствовала, что со мною только Виктор, такой же, как и я, одинокий, что тот, который имел право на наше счастье, может быть забыл давно эту сказку... что-то ненавистное появилось к тому... далекому... Чувство нежное, материнское наполнило мое сердце...

— Кто были—та русская девушка и тот красивый итальянец, мама?

— Я и твой отец..

— Я так и думал! Спасибо, родная, за сказку! В ней есть благословение отца, а ты... ведь ты тоже любила и верила красивому юноше, морским волнам и зовущей серенаде, как любит и верит белая девушка...

Мы долго молчали...

Каждый из нас понял, что мы остаемся... Остаемся не ради искусства и сказки, а ради белой девушки...

—Уже поздно, мама, я устал.. Спокойной ночи!

Виктор ушел...

В открытое окно повеяли струйки холодного ветра пред восходом солнца...

Верхушки деревьев, растущих под окном, закачались и звонко зашелестели,—то падали высохшие пожелтевшие листья...

Скоро осень... Тусклая, холодная, полная одиночества...

Кунцево, 30 июля 1918 года.

Вера Шуева-Черных.

БИБЛИОГРАФИЯ.

„Еврейская Антология", сборник молодой еврейской поэзии. Издательство „Сафрут". Цена 10 рублей.

Выход сборника еврейской поэзии надо только приветствовать. Как ни странно, но русская публика почти не имеет представления о еврейской поэзии. Склонен думать, что причиной этого было и есть недостаток переводов.

„Еврейская Антология" представляет, правда, небольшую, но все-таки возможность познакомить русского читателя с духом и формами еврейской поэзии. В общем переводы удовлетворительны.

Хороши переводы Ю. Балтрушайтиса, Брюсова, Сологуба и Вячеслава Иванова. Изъ поэтов, помещенных в сборнике, выделяются: Бялик, Черниховский, Каценельсон, Харни, Мейтус и Шоул. Все они—преимущественно лирики. Вождем еврейской поэзии является Бялик—имеется хороший переводный сборник его стихотворений. Бялик поэт народный; любовной нежностью к родине проникнуто большинство его стихотворений. Сильны стихотворения „Да погиб мой народ", „Ветка склонилась", „Бежать? О, нет! Привык у стада", „Будь мне матерью, сестрою".

Из стихотворений Черниховского хороши: „Не миги сна", „Над водою", „Ночь темна, и темной тайны". Великолепно стихотворение Карни:

Друг далекий, друг печальный,
Ты приди, взгляни:
Наступили слишком рано
Увяданья дни...

В общем впечатление хорошее и остается надеяться, что в скором времени будут выпущены более полные сборники каждого из помещенных в Антологии поэтов. И если в еврейской поэзии нет особого изящества, тонкой экспрессии, схватов и взметов, то они своеобразно, природно сильны, ярки и преисполнены искренности, и приближающей их к реализму. Может быть, благодаря этому и в них и есть доля правды, красивой сентиментальности.

А. Вашков.

„Юный Гражданин"—двухнедельный литературно-художественный и научно-критический журнал для юношества №№ 1—5. Москва. Январь—апрель 1918. Цена 4 рубля.

Прекрасная, хорошо задуманная идея и полная безпросветная неудача, такими словами можно кратко охарактеризовать журнал „Юный Гражданин".

„Сегодня появляется на свет первый номер литературно-художественного и научно-критического журнала, посвященного преимущественно

молодежи, ее художественным и умственным запросам".

„Впечатление окружающего нас (молодежь) мира, различные вопросы литературы, искусства и жизни, все, что волнует молодую душу,—все это должно отразиться, как в зеркале, на страницах „Юного Гражданина".

Так пишет редакция в первом № и этим определяет свои ближайшие задачи и цели.

Редакции грезилось духовное единение юношества вокруг ее журнала, единственного в России печатного органа молодежи.

Она правильно определяла, что все существовавшие журналы для юношества были именно только журналами для него, а не его, и основываясь на этом предлагала свои страницы самой молодежи.

К сожалению, журнал не смог достигнуть своих заданий, отвлекся в сторону и заблудился в дебрях банальности и пустоты.

Первоначальной и основной ошибкой журнала было то, что он, предназначавшийся для юношества, для разрешения его сомнений и душевных запросов, сделался журналом детей, а не молодежи.

Вследствие этого журнал не сумел, согласно своему желанию, дать юношеству забвение и успокоение, а скорее вызвал в нем скуку и невольную раздраженность.

Не менее важным промахом явилось и то, что, назвав себя „Юным Гражданином", журнал ни в одном из номеров не поместил хотя бы одной строки, говорившей об обязанностях, налагаемых переживаемым моментом на юношу, на юного гражданина.

Ни революция, ни даже общественная жизнь совершенно не отразились на страницах журнала, между тем, он претендует на название, многому обязывающее. Не хотелось бы думать, что этим дефектом редакция обязана Советской власти, ибо это было бы для журнала стыдом и позором.

Остальные недостатки, как-то: высокая стоимость журнала, пустота его некоторых отделов, малосодержательность и т. п., хотя и являются менее важными, но все же в общей своей сложности производят невыгодное впечатление.

Содержание журнала составляют лишь стихи, беллетристика и литературные статьи. Совершенно отсутствуют отделы искусства, музыки, театра, жизни юношества, спорта и многие другие.

Общий характер литературы и настроение наводимое ею, не симпатичны. Журнал для юношества должен бодрить, оживлять, шевелить читателя, а большинство произведений являются грустными воспоминаниями, бозжизненными Nature Morte'ами и просто скучным нытьем.

Украшением журнала служат лишь передовые статьи и повесть П. Чиликина „Наташа".

Передовы статьи полны полезных литературных указаний и направляющих советов молодым писателям и поэтам. В одной из статей автор касается искусства; „Искусство от самого примитивного до самого гениального есть проявление *личного* творчества художника. Есть личность художника без прикрас; есть его непосредственное творчество—без натуг ума, без натянутого старания—значит имеется и художественное произведение. Где чувствуется облик художника, его личное я,—там есть и возможность красоты. И безусловно безобразно в искусстве все то, что неискренно надумано и прикрашено". И автор советует описывать не фотографически, шаблонно и много-сложно, а подыскивать особые характерные подробности, могущие заменить многословное изложение.

Другие статьи не менее красиво написаны и посвящены значению литературной критики для писателей и для публики, разбору присланных в редакцию произведений и общим литературным указаниям.

Жемчужным зерном, производящим наилучшее впечатление, является повесть П. Чиликина „Наташа".

Сквозь массу обычностей и повторений чувствуется молодое бьение пробуждающагося таланта. Автор не совсем справляется с повестью, местами проскальзывают досадные шаблонности, но все же видна усиленная успешная работа по исканию новых путей. Некоторые места повести очень живо и интересно схвачены. Особенно удачно начало и середина ее.

Кроме повести Чиликина, следует отметить прозу и поэзию Б. Шестова. Творчество его дышет музыкальностью красотой, богатством рифм и чарующими сравнениями.

Гордо-прекрасны некоторые стихотворения Н. Некрасова.

Прочий литературный материал или слишком примитивен, или неудачен по настроению.

Совершенно не уместны батальные заметки „Смельчак", „Гибель Гебена и Бреслау", а также статьи „О реформе русского календаря", „Кюи", „Дубовской" и т. п.

Очевидно, все они помещены лишь для заполнения места.

Для детей журнал более или менее удовлетворителен. Переписка читателей, которой отведено видное место, хотя и напоминает слащавые страницы разных „Задушевных Слов", но вместе с тем показывает, что дети журналом очень довольны и удовлетворены, и мы бы советовали рекции, переменив название журнала предназначить его только для детей.

М. Т.

ТЕАТР и МУЗЫКА.

Мысли о народной песни и самопроизвольности зарождения народной музыки.

Как полевые цветы, как трава как благоухание долины, усеянной колоритом природных диких цветов, как жаворонок поющий песнь о беззаветной любви, как соловей птичка чарующего пения, так и народная песня, непосредственно простая, вырывалась из груди и сердца народа, ибо сердце и душа человека безсознательно воспринимали красоты природы и симфонию ее простых звуков. Все, что человек видел и слышал, он не умел об этом думать, а просто, в силу бессознательного влияния, природа переполняла душу и сердце человека, и он творил песню, которую люди науки оценили, как непосредственный дар природы и зафиксировали нотными знаками и инструментами, для этого приспособленными.

Самое дорогое в социальной жизни, это—умение просто все делать, как нам природа *предписала* своими простыми незатейливыми законами. Люди, заблудившиеся и ушедшие от природы, ищут путь к истине, правде, красоте и простоте, купаясь в крови, не могут увидеть луча солнца, который освещает путь к простоте. Людям, отошедшим от простоты и истины природных законов, придется потратить много сил для того, чтобы возвратиться, к красавице-природе, и учиться у нее жить и воспитывать себя так, как говорит и поет своими чарующими звуками природа.

Человек есть отражение вселенной, ибо он - цветок миросоздания, но в силу того, что он не мог создать простых условий, как сама природа, терзается мучается и не может найти того пути, который ему был начертан природой в колыбели человечества.

Что же нас может вывести на тот путь, который ведет к истине, простоте, правде и красоте—это искусство, которое будет призывать к познанию своих внутренних богатств, ибо каждый человек носит в себе и добрые и злые начала, но злые начала в большинстве случаев побеждают добрые.

Отсюда можно вывести то, что мы, не зная себя, не выявляем красоту души, потому что для того, чтобы найти красоту свою, надо много работать над собою; прежде всего не быть алчным, ибо она мать всех пороков человека и выработать в себе волю, чтобы быть стойким и не поддаваться никаким красивостям жизненной суеты, которая нас засосала, как трясина, и мы не можем выйти туда, где бы можно было подышать тем, что возвысит нас над неизменными инстинктами.

Все трактиры, игорные дома, рулетки, шикарные сады,—и не те ли места, где мы топчем все святое, дорогое, потому что эти заведения суть поработители нашей личности. Все, что там есть, начиная с вина и кончая несчастными женщинами,—есть поработители человечества. Не лучше-ли не топтать в себе те красоты, которыми нас наделила природа, а развивать их, и вместо того, чтобы итти в трактир, пойти в природу, услышать чарующие звуки подышать тем, что нас успокоит и пробудит добрые начала души.

Теперь у нас зажжен факел—это пролеткульт, который горит и призывает всех тти учиться. Там есть люди, горящие желанием учить людей, как приступить к этому трудному делу. Надо помнить всегда слова великого греческого философа Платона: „Безобразное—легко, прекрасное—трудно", над прекрасным надо много работать, чтобы понять, и воспитать себя так, чтобы все безобразное было противно,—прекрасное-же манило и заставляло итти к достижениям красоты, ибо совершенству своего я нет предела; как время неисчислимо, пространство мира неизмеримо так и достижения наши духовные неизмеримы и неисчислимы. Без конца человек должен стремиться к тому прекрасному, которое манит и остается в перспективе вечно на одном и том же расстоянии. Будем всегда помнить, что прекрасное—то трудно.

Иван Звигунов.

„Двенадцатая ночь". Г. Вырубов—в роли герцога.
Рис. *А. Волобуева.*

СМЕСЬ и ЗАДАЧИ.

Случай с Толстым.

Однажды, когда поезд под'ехал к станции, одна дама, желая возвратить своего мужа, который пошел за носильщиком, начала звать его: „Григорий! Григорий!"

Однако, Григорий исчез.

Тогда огорченная женщина, не зная что делать, крикнула одному, скромно одетому, человеку:

— Бегите скорей за моим мужем, вы получите на чай.

Старик охотно побежал, исполнил просьбу дамы и получил 5 копеек на чай. Через некоторое время кругом послышались тихие восклицания: Толстой, Толстой...

— Где Толстой?—спросила дама. Ей показали на старика, которому она дала на чай.

Тотчас она подбежала к Толстому и пробормотала: „Ради Бога! Простите, граф, простите", и пристыженная попросила его отдать пять копеек обратно.

— Э, нет...— ответил радостно Толстой,— я не отдам денег, я их заработал.

К селедке.

(Пародия).

Подруга дней моих унылых
Селедка тухлая моя,
С семьей картошек опостылых
Ты дома ждешь одна меня

Ты на столе моей светлицы
Стоишь, как будто на часах —
Увы! без масла и горчицы,
Без крошки хлеба На костях
Твоих присохло мясо плотно,
Краснеет ржавчина на нем,—
И, знаю, будешь безработно
Желудок жечь ты мой огнем.

Ширия—Кыз.

Шарада № 3.

Когда, истомлены мы жаждой,
Находимся в большом пути,—
Мое начало должен каждый,
Коль жаждет он, произнести.
Средина—в лексиконе нота,
Но высока она альтам.
Не сильный голос—то до пота
Приходится тянуться вам.
Конец мой—это что такое?
Когда устали ильбольны,
Покой вам нужен,—нет покоя;
Жужжат и нарушают сны...
Но все, в Японии найдете
Среди дворян – больших людей...
Лишь лет семьсот назад вернёте,
Их звали так в стране своей...

А. С.

Перестановка чисел № 1.

1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12
13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30
31	32	33	34	35	36

Данные числа надо расставить в клетках так, чтобы, складывая горизонтально, вертикально и подиагонально, получилось в сумме 111.

А. С.

От Редакции: Лицо, решившее первое все помещаемые в номере задачи и приславшее решение скорее других, получает бесплатно в течение месяца журнал. При решениях необходимо прилагать фамилию, имя, адрес и контрольный купон. Решения следует направлять в „Отдел задач".

Контрольный купон № 6.

Вышла из печати новая книга
Н. Кузнецовъ: „МИМО ЖИЗНИ".
Цена 70 коп. Г. Иваново-Вознесенск. Книгоиздательство „СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ", Воробьевская ул., д. Голубева.

Театрально-музыкальная секция „Своб. Союза Молодежи" просит всех лиц, желающих принять участие въ устраиваемом концерто-бале (артистов, организаторов и др.) зайти в секцию.

ХРОНИКА.

Хроника Эсперанто.

Редакция просит все эсперантские организации молодежи присылать сведения о своей деятельности для помещения их в отделе хроники.

Москва. При Московском Свободном Союзе Молодежи организуется Эсперантская секция. Цель ее является: а) изучение при помощи Эсперанто иностранных писателей, б) усовершенствование в языке. Справки о секции в Секретариате С. С. М. (1-я Мещанская, д. 50, кв. 12) в приемные часы.

Вышел № 3 „Известий Московского Союза Юных Эсперантистов". В них помещен гимн Юных Эсперантистов и богатая хроника деятельности Союза. 3-й список членов М. С. Ю. Э. показывает, что состав его значительно увеличился.

Пермь. Секретарь М. С. Ю. Э. и Организационного Комитета Федерации Эсперантистов К. П. Сидорычев на одном из собраний М. С. Ю. Э. сделал доклад о своих впечатлениях от поездки в Пермь. Пермь в настоящее время является большим фронтовым городом и жизнь в ней бьет ключем. Несмотря, однако, на благоприятные для пропаганды Эсперанто условия (скопление красноармейцев различных наций), Эсперантское О-во слабо работает. Среди учащейся молодежи имеется некоторое количество Эсперантистов, но они не об'единены и адреса их никому не известны. Дабы не упустить благоприятных условий, К. П. Сидорычев в конце доклада предложил послать в Пермь воззвания, пропагандные листки и пр.

Данков (Рязан. губ.) Данковское О-во Эсперантистов насчитывает свыше 50 человек членов и состоит почти исключительно из учащейся молодежи. Данковский Совдеп предложил О-ву стать секцией Народного Дома, на условиях полной автономности ее. Лишь в финансовом отношении секция будет зависеть от Народного Дома. 20 октября с. г. Созденом отпущено на нужды секции 1000 рублей.

Тула. Кружок учащихся Эсперантистов при Тульском Коммерческом училище одобрил проект организации Всероссийского Союза Юных Эсперантистов, предложенный московскими, и для связи с ними выбрал двух представителей от себя.

Тверь. Организуется Кружок Эсперантистов. Адрес инициативной группы: Тверь, Семинарский пер., д. 12, кв. 3,—Ю. Круковскому.

Фонд Издательства Русской Молодежи.

До 10 октября поступило от неизвестных 20 руб. Итого с прежде-поступившими—60 руб.

Редактор: Н. В. МАРКОВ.
Издатель: Издательство „РУССКАЯ МОЛОДЕЖЬ"